

DOI: 10.31857/S0130386424040045

© 2024 г. М.Д. БУХАРИН

**ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС И «БОЛЬШАЯ ИГРА» В ДОНЕСЕНИЯХ
Р. КОББОЛЬДА В 1898–1899 годах**

Бухарин Михаил Дмитриевич – действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. На 1890-е годы приходится очередное нарастание напряженности в Центральной Азии, связанное как с геополитическим противостоянием двух империй – Российской и Британской, – так и со стремлением реализовать собственные национальные интересы со стороны Афганистана и Китая, используя для этого борьбу доминирующих политических сил. Одним из наиболее сложных вопросов в отношении заинтересованных сторон явилась пограничная проблема – фиксация границы между Россией и Афганистаном, с одной стороны, Россией и Китаем – с другой. Великобритания не упустила возможность продвинуть свои интересы в этих обстоятельствах, что вполне могло привести к началу боевых действий. Механизм выявления слабых мест в положении России на Памире наглядно представлен в донесениях английско-го разведчика Р. Коббольда 1898–1899 гг., сохранившихся в Национальном архиве Индии. В них характеризуются действия там российских властей, отношение местного населения к противоборствующим сторонам, возможные инструменты влияния на местах, которые позволили бы Британии прочнее утвердиться в регионе. Российские дипломатические ведомства и военные администрации были в курсе стремлений Британской империи и использовали и «кнут», и «пряник» в стремлении сохранить status quo в регионе: в одних вопросах приходилось идти на уступки, в других – российская сторона проявляла жесткость. Такой подход не только удержал центральноазиатский регион в русле мирного развития, но и явился одной из основ заключения российско-британского пакта о разделе сфер влияния на Среднем Востоке и в Центральной Азии 1907 г., который положил конец «Большой игре» и позволил сформировать Тройственный англо-франко-российский союз.

Ключевые слова: «Большая игра», Памир, разведка, Россия, Великобритания, Китай, Афганистан, внешняя политика, империи, Р. Коббольд.

M.D. Bukharin

The Great Game and the Border Issue in the Pamirs in the Reports of Ralph Cobbold, 1898–1899

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. The 1890s were a time of growing tension in Central Asia, stemming both from the geopolitical confrontation between the Russian and British empires and from the desire of Afghanistan and China to realise their own national interests and use the struggle of the dominant political forces to their own ends. One of the most difficult issues was the border dispute, i.e. fixing the border between Russia and Afghanistan, on the one hand, and Russia and China, on the other. Britain sought to exploit the differences on this issue to its own advantage, which could well have led to the outbreak of hostilities. The mechanism for identifying weaknesses in Russia's position in the Pamirs comes out clearly in the 1898–1899 reports of the British intelligence officer Ralph Cobbold, preserved in the National Archives of India. They characterise the actions of the Russian authorities in the Pamirs, the attitude of the local population to the opposing sides, and potential instruments of local influence that would allow Britain to bring the region under its control. The Russian diplomatic and military administrations were aware of the aspirations of the British Empire and used both the “stick” and the “carrot” to maintain the status quo in the region: in some issues they had to make concessions, in others the Russian side acted rigidly. Such an approach not only kept the Central Asian region in the frames of peaceful development, but also was one of the foundations of the conclusion of the Russian-British pact on the division of spheres of influence in the Middle East and Central Asia in 1907, which put an end to the Great Game and allowed the formation of the Triple Anglo-Franco-Russian alliance.

Keywords: Great Game, Pamirs, intelligence, Russia, Great Britain, China, Afghanistan, foreign policy, empires, Ralph Cobbold.

Точность доступной информации – одна из основ любого решения в глобальной политике. Информация во все времена представляла главную ценность в большой политике, и в борьбе за этот ресурс заинтересованными сторонами исповедовался принцип «все средства хороши». Расположение войск, точность и однозначность установления межгосударственных границ, возможности снабжения армии и населения, логистические маршруты, отношение местного населения к своим и чужим – эти и другие вопросы волновали центры принятия решений во все времена – с глубокой древности до настоящего времени. Для получения информации использовались как легальные средства, так и нелегальные.

Характерным примером отсутствия надежной информации является положение в Центральной Азии, сложившееся сразу после Первой мировой войны: мир в 1917–1922 гг. переживал период глобальной неопределенности. Основные мировые игроки были плохо осведомлены о происходившем в Центральной Азии, они действовали зачастую наугад, ориентируясь на сведения, приходившие с сильным опозданием, достоверность которых далеко не всегда могла быть подтверждена. В межгосударственных отношениях доминировала подозрительность, которая была основана не только на несовпадении интересов, но и на отсутствии надежных каналов коммуникации и информирования. В этой связи попытки формирования союзов немедленно оборачивались крахом. Охота за информацией осложнялась не только труднодоступностью региона, но и тем, что главные противостоящие стороны – Российская, Османская, Германская империи – сами претерпевали радикальные трансформации.

На результаты развития международных процессов в Центральной Азии, в частности, влияло происходившее непосредственно на огромных пространствах от Южной Сибири до Северо-Западной России, от Балкан до Кашгара, и формирование надежной системы получения данных было одним из главных факторов, их определявших. Отсутствие ясности в анализе status quo не давало крупным игрокам возможность принимать перспективные решения: что позволило впоследствии РСФСР (СССР) восстановить свое влияние в прежних среднеазиатских владениях Российской империи. Убедившись, что за рубежи прежней империи СССР выходить не собирается, Британская империя предпочла «синицу в руке» – сохранение прежнего положения дел и в определенной степени утерля первостепенный интерес к Туркестану

как плацдарму предполагаемой антибританской агрессии – российской (советской) ли, российско-афганской, афганско-турецкой или иной¹.

Система межвоенной политической неопределенности имела длительную предысторию, частью которой является так называемая «Большая игра» – геополитическое противостояние Российской и Британской империй, обозначившееся уже в середине XIX в. с началом продвижения и военно-политического утверждения Российской империи в Центральной Азии. Выход России на южные рубежи региона к границам с Афганистаном, на Памир, к рубежам Северо-Западного Китая обострил отношения давних соперников в этом регионе, вызывал изменение модальности сбора информации – на смену научным экспедициям пришли военные отряды и собиратели геополитической информации, действовавшие «под прикрытием».

На 1880–1890-е годы пришелся всплеск внешнеполитической активности на памирском направлении. Территориальные споры 1880-х годов с Афганистаном, находившимся под протекторатом Великобритании, были урегулированы в ходе работы смешанной русско-английской комиссии, в результате чего в 1888 г. был подписан договор о делимитации западной части российско-афганской границы. Эти события пробудили значительный интерес к южным рубежам Российской империи², с одной стороны. С другой – обострили проблему делимитации границы, проходившей по Памиру.

В первой половине 1890-х годов вероятность раздела Памира между Китаем и Великобританией была столь высока, что для его предотвращения на Памире был сформирован отдельный отряд под командованием М.Е. Ионова.

Разногласия были решены к сентябрю 1895 г. путем поиска компромиссов членами Пограничной комиссии. В 1896 г. результаты этой компромиссной политики были ратифицированы правительствами Британской и Российской империй. Определенно, российская сторона не была довольна достигнутыми соглашениями, во всяком случае иначе трудно объяснить отставку Б.Л. Громчевского с должности начальника памирского населения и увольнение его переводчика.

Показательно и то, что отчет о деятельности британской части Пограничной комиссии, опубликованный в 1897 г. для служебного пользования, Report on the Proceedings of the Pamir Boundary Commission, как утверждает в исследовательской литературе, «до настоящего времени недостаточно хорошо известен»³.

Юридически не определенной оставалась часть границы России с Китаем по Сарыкольском хребту в Восточном Памире (тянется вдоль современной границы Китая и Таджикистана); России не удалось добиться от цинского правительства окончательного варианта утверждения границ. Это обстоятельство, с одной стороны, осложняло российско-китайские отношения, особенно относительно памирского вопроса⁴, с другой – продолжало подогревать интерес англичан к памирскому приграничью, вынуждало отправлять новых

¹ См. подробнее: *Бухарин М.Д.* Глобальная неопределенность как фактор развития международных процессов (рец. на книгу: Ар.А. Улуян. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020) // *Международные процессы.* 2020. № 4. С. 158–161.

² *Ищенко Н.С.* «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х годов // *Новая и новейшая история.* 2022. № 4. С. 72–81. DOI: 10.31857/S013038640018389–5

³ *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.: монография в документах. М., 2001. С. 327.

⁴ См. документ от 2 августа 1899 г., в котором прямо говорится о «неопределенности русско-китайской границы по Сарыколу» и о том, что именно в этой связи «русское правительство не может отнестись равнодушно к передаче китайской территории в этой местности другому государству и что оно принуждено принять с своей стороны надлежащие меры во избежание нарушения русских интересов» (Соглашение о форме обмена нотами относительно китайских территорий Тагдумбаш и Раскем (Памир) // *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. академика В.С. Мясникова.* М., 2004. С. 257).

и новых согладатаев за происходящим. Однако для этого нужно было находить механизмы мирного взаимодействия с российскими властями.

Важность не просто наличия, но и безотказного функционирования такого механизма не следует недооценивать. Периоды определенной разрядки напряженности в русско-британских отношениях на Памире сменялись ее нарастанием. В 1898–1899 гг. ситуация на Памире накалилась настолько, что речь уже шла о возможности начала войны, а с учетом взаимных обязательств России и Франции – войны континентального масштаба⁵. Изменение внешнеполитической позиции Афганистана и жесткая линия российского МИД и в Афганистане, и в Китае, в частности деятельность Генерального консула Н.Ф. Петровского в Кашгаре, явились теми факторами, которые в значительной степени смягчили ситуацию. Тем не менее рубеж XIX–XX вв. ознаменовался крайним риском перехода дипломатического противостояния к собственно боевым действиям.

Таким образом, любой не введенный (или не полностью введенный) в научный оборот документ, проливающий свет на ход процесса делимитации границы и последующей реакции заинтересованных сторон на ход противостояния на Памире, проясняет картину событий. К таким документам и относятся донесения Ральфа Коббольда 1898–1899 гг.

Политическая история Памира в контексте противостояния России и Великобритании в Центральной Азии, так называемой «Большой игры», постоянно привлекает к себе внимание. С новыми комментариями переиздаются старые работы⁶, публикуются новые источники – единичные⁷ или целые комплексы⁸. Тем не менее в исследовании «Большой игры» в частности и всей системы международных отношений рубежа XIX–XX вв. в целом имеются лакуны, наличие которых связано в том числе с недоступностью источников по тому или иному периоду или региону⁹. В частности, недостаточно изученным остается противостояние России и Британии на Памире и в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в последние годы XIX столетия. Целый ряд важнейших источников был открыт для изучения только в последние годы. Лишь в недавнее время стали доступны полные тексты донесений Р.П. Коббольда о положении дел на Памире и в Восточном Туркестане (Синьцзяне) и о перспективах политического противостояния Российской и Британской империй.

⁵ В исследованиях говорится и о перспективе войны мировой: *Куценко Б.О.* Русско-английский конфликт на Памире: несостоявшаяся война 1902 года // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.* 2020. № 2 (67). С. 67–77.

⁶ *Тагеев Б.Л.* (Рустам-бек). Памирские походы / вступл., коммент. М.Д. Бухарина. М., 2017.

⁷ *Постников А.В.* «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой Игре» Британии и России (1869–1896 гг.) // *Acta Slavica Iaponica.* 2000. № 17. С. 42 (рис. 1), С. 67 (рис. 2), С. 79 (рис. 5); *Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами* / изд. подг. М.К. Басханов, М.Д. Бухарин, И.В. Тункина // *Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века.* Том IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М., 2020. С. 440–449.

⁸ *Постников А.В.* Схватка на крыше мира; «И с казачьего пикета был уж виден Гималай». Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного / авт.-сост. М.К. Басханов, С.Л. Шевельчинская. СПб., 2019.

⁹ Так, события 1898–1899 гг. в Северо-Западной Индии, на Памире и в Восточном Туркестане не затронуты в наиболее обстоятельной недавней монографии по истории «Большой игры»: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии русско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. См. соответствующий раздел (с. 186–239), в котором аспекты русско-британского противостояния в Персидском заливе очерчены весьма подробно, несмотря на географические ограничения, данные в заглавии книги. Не упомянут Коббольд и в другом исследовании, претендующем на полный охват темы: *Johnson R.* *Spying for the Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947.* London, 2006.

В другом важнейшем исследовании (*Постников А.В.* Схватка на крыше мира. С. 334–335) используются только те данные Р. Коббольда (Кабболд в транскрипции Постникова), которые представлены в его книге: *Cobbold R.P.* *Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs.* London, 1900.

Сведения, содержащиеся в донесениях Коббольда, изредка цитировались в исследованиях по истории «Большой игры», однако без точных ссылок. Главным источником сведений была книга К.П. Скрайна и П. Найтингейл¹⁰. Однако и в ней сведения Коббольда цитируются фрагментарно без указания на источник. Характерным примером такого подхода – вынужденного использования безадресных цитат – является книга П.С. Хопкирка «Большая Игра против России. Азиатский синдром»:

«Весной 1898 года на позициях в Памире один из офицеров 60-го пехотного полка – капитан Ральф Коббольд узнал от соседа, русского офицера-пограничника, что у них есть приказ немедленно захватить Читрал в случае эвакуации британцев. Были разработаны “очень подробные планы” в расчете на такую возможность, и русский офицер тайно посетил Читрал, чтобы изучить систему обороны и маршруты подхода. Информатор Коббольда добавил, что планы захвата Читрала “постоянно обсуждаются за обеденным столом у губернатора Ферганы”, а другие русские офицеры говорили, что рассматривают настоящую границу с Афганистаном как “чисто временное соглашение” и “ни в коем случае не постоянное”... “Доверенные люди инкогнито постоянно снуют между русской границей, Кабулом и Читралом, собирая и передавая всевозможную информацию, касающуюся вопросов безопасности”»¹¹.

В исследовательской литературе фигуре Ральфа Паттесона Коббольда (Cobbold, Ralph Patteson, 1869–1965) уделяется незначительное внимание. Хорошо известна одна его книга¹², законченная, судя по предисловию, в сентябре 1899 г. В ней представлен отчет о ряде путешествий Коббольда из Северо-Западной Индии (Сринагара) через Памир в Кашгар (Синьцзян), дано описание Кашгарии и главных действующих лиц «Большой игры», прежде всего Генерального консула Российской империи Н.Ф. Петровского (консул с 1883 г.; Генеральный консул в 1886–1903 гг.), переход из Кашгара в Верный (Алма-Ата), далее на Балхаш, Ташкурган и Кала-и-Вамар (административный центр Рошана на Памире) с возвращением в Кашгар. Рассказ о путешествии сопровождается анализом геополитической ситуации в Центральной Азии, в том числе экскурсами в пограничный вопрос, рассуждениями о перспективах ее развития.

Р. Коббольд в российской научной литературе именуется «путешественником»¹³ или – более точно – с указанием воинского звания на момент путешествия (капитан) и с акцентом на то, что путешествие он совершал «под видом частного лица»¹⁴. Суть его миссии была хорошо известна Н.Ф. Петровскому, и он точно обозначал функции британского «путешественника» в письме к делопроизводителю Первого (Азиатского) департамента МИД Г.А. Плансону от 25 января 1898 г.:

«Одновременно с этим письмом я посылаю директору Д[епартамен]та донесение о г. Cobbold'e, о котором – конечно, Вы знаете – я уже сообщал. Я могу еще понять и допустить, когда путешественник или какой-нибудь агент для каких-либо целей обманно, на свой страх и риск, проникает в страну; но если первый министр Великобритании обращается к русскому министру с просьбой о пропуске к нам “для охоты” частного будто бы лица, которое в действительности есть политический агент и о котором, конечно, можно найти указание в любом английском адрес-календаре, – это, по моему мнению, верх наглости.

...Шпионы везде есть и всегда будут, но я в первый раз вижу, чтобы их посылали с таким цинизмом»¹⁵.

¹⁰ Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.

¹¹ Цит. по: Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром М., 2004. С. 249.

¹² Cobbold R.P. Op. cit.

¹³ Мясников В.С. Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. С. 11, 14.

¹⁴ Бухерт В.Г. ...И его русский портрет // Там же. С. 41.

¹⁵ Цит. по: Петровский Н.Ф. Указ. соч. С. 280–281.

Обращает на себя внимание причина, по которой якобы Коббльд отправился в путешествие. Она собственно обозначена и в названии его книги – «путешествие и спорт». Неоднократно Коббльд говорит об охоте в ходе путешествия на тех или иных животных (основной целью охоты был памирский архар – *ovis poli*)¹⁶. В Национальном архиве Индии сохранилось несколько документов, в которых изложена просьба разрешить Коббольду охоту в горах¹⁷, однако лишь один, бывший некогда секретным, относится ко времени его путешествия в 1898–1899 гг., датируемый июнем 1898 г.¹⁸ Интересно, что и в нем сам Коббльд именуется как частное лицо – *mister*, а его спутник по воинскому званию – капитан Дизи¹⁹.

Не нужно недооценивать вклад «путешественников» в реальную политику, в том числе и на Памире. Так, в начале 1890-х годов именно идеи Н. Илеяса стали основой британской политики на Памире, целью которой было соединение владений Китая и Афганистана именно в этом регионе²⁰. Наиболее же известным «путешественником», изучавшим Памир, был Дж. Кёрзон, будущий (1899) вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), составивший карту «Памир и прилегающие территории Центральной Азии и Индии»²¹.

Коббльд был не единственным охотником на Памире, чья миссия вызывала сомнения. Так, в письме неформальному главе российского востоковедения академику В.Р. Розену от 15 ноября 1892 г. Н.Ф. Петровский называет еще одного «путешественника» Т. Гринфилда, который также увлекался охотой как видом спорта: он упоминается среди тех, кто просил рекомендательное письмо для посещения русского отряда на Памире²².

Еще более определенно о цели путешествий Коббольда Петровский сообщает Розену в письме от 1 марта 1898 г., с которыми его связывали не только деловые отношения по дипломатической линии, но и забота об изучении истории Восточного Туркестана:

«Английские интриги, должно быть, очень энергичны; вижу их возобновление здесь и – странное дело! – мои китайцы что-то от меня скрывают или, вернее, обманывают. Недавно даотай расспрашивал меня о памирской границе, и я видел у него карту Памира, приложенную к сочинению *Curzon's*²³. Карта испещрена китайскими иероглифами и красными линиями границ. Наша граница со стороны Кашгарии (еще не законченная) уже там господами англичанами (Макартнеем²⁴, *Cobbold*'ом и *Deasy*, которые дали даотая эту карту) указана так, что все пути из Каджута (и Кашмира) в Кашгарию – вне нашего надзора. Словом, положение дел на востоке очень неясное»²⁵.

¹⁶ *Cobbold R.P.* Op. cit. P. 11, 34, 41 и т.д.

¹⁷ National Archives of India. PR_000001410565 (апрель 1902 г.), PR_000001413551 (сентябрь 1906 г.).

¹⁸ Ibid. PR_000001050402.

¹⁹ Дизи, Генри Хью Питер (*Deasy, Henry Hugh Peter, 1866–1947*) – британский военный служащий, в 1888–1897 гг. проходил службу в Индии. Выйдя в отставку, занялся исследованием Тибета, совершив в 1896–1899 гг. несколько путешествий; автор ряда статей и книги, в которой описываются его странствия по Тибету и Восточному Туркестану (Синьцзяну): *Deasy H.H.P.* In *Tibet and Chinese Turkestan; being a Record of Three Years' Exploration.* London, 1901.

²⁰ См. подробнее: *Morgan G. Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia.* London, 1971.

²¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Оп. 2. Средняя Азия. № 23.

²² См. публикацию: Бухарин М.Д., Тункина И.В. Переписка Н.Ф. Петровского, В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. 1. Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 99.

²³ Имеется в виду карта Средней и Южной Азии: *Curzon G.N.* *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question.* London, 1889. P. 312–313.

²⁴ Макартни, Джордж (*Macartney, George, 1867–1945*) – британский представитель и Генеральный консул в Кашгаре в 1890–1918 гг. Макартни – наполовину китаец (его мать – родственница Лар Ванга, одного из руководителей Тайпинского восстания 1850–1864 гг.), начал карьеру как переводчик в экспедиции Ф.Э. Янгхазбенда в 1890 г. О нем см. подробно: *Мясников В.С.* Указ. соч. С. 4–19; *Skrine C.* *Nightingale P.* Op. cit.

²⁵ Бухарин М.Д., Тункина И.В. Указ. соч. С. 162.

Петровский не говорит прямо, что Коббольд занимался картографированием приграничного района, однако такой вывод не выглядит недостаточно обоснованным. Можно со значительной долей уверенности полагать, что миссия «путешественника» заключалась в том, чтобы внести ясность в состояние пограничного вопроса на просторах между Северо-Западной Индией, южными рубежами Российской империи и Китаем и постараться определить слабые места позиции России. Подобного рода документы, например справка майора Е.Г. Берроу «Военная география Афганистана. Часть I. Бадахшан»²⁶, составляют важную основу реконструкции событий «Большой игры».

В данном контексте уместен вопрос о причинах, по которым российские власти решали подобные путешествия, и не только Коббольду. По схожим маршрутам пролегал путь полковников британской армии Пауэлла и МакСуини (последний – член Британской пограничной комиссии 1895 г.). Возможно, прав К. Ворику: разрешения британским офицерам на путешествия по приграничным российским владениям с явно разведывательными целями выдавались с тем, чтобы получать аналогичные разрешения от властей Британской Индии для российских офицеров, решавших разведывательные задачи на территориях, прямо или косвенно подконтрольных Индии²⁷. Таким образом, соблюдался принцип *quid pro quo*. Попытки его обойти предпринимались, российские офицеры получали «проводимых», в задачи которых входил контроль их передвижений и взаимодействия с местным населением, но в общем и целом принцип паритета в разведывательной деятельности соблюдался. Не лишним будет упомянуть, что этот принцип соблюдался (пусть и не неукоснительно) и в новейшее время при организации военных инспекции на территории потенциального противника.

Принимая во внимание то обстоятельство, что содержание донесений Коббольда фактически остается не задействованным в исследованиях по истории «Большой игры», сами события 1898 г., вероятно, именно в этой связи затрагиваются фрагментарно, имеет смысл обратиться к анализу данного документа.

* * *

Документ весьма объемный и информативен (следует учесть, что отчет за 1898 г. уцелел не полностью: при аресте на Кала-и-Вамаре (западный склон Памирского нагорья, Горный Бадахшан) Коббольд уничтожил часть записей). По этой причине в рамках статьи имеет смысл остановиться лишь на наиболее значимых подробностях, не упоминаемых прямо в книге Коббольда (некоторые фрагменты донесения, например краткая династийная история памирских княжеств, в книгу включены).

Донесение за 1898 г. *Report by Mr. R.P. Cobbold on his journey to the Pamirs and Chinese Turkestan*²⁸ занимает 14 листов; оно существует в двух не тождественных по формату печатных копиях. Автор излагает общую суть отчета: описание двух больших маршрутов от Булункуля в Кашгар и далее на Караколь (Харог), и от Караколя на Окс (Амударью). Описание маршрутов сопровождается описанием народов, их отношением к центральной власти и к русским в целом, поселений, возможностей питания и водоснабжения, пересказом и анализом геополитической информации, которую ему удавалось собрать в ходе путешествия.

Целью таких сложных маршрутов могла быть только рекогносцировочная деятельность. Маршруты проходили, в частности, по тем регионам, через которые еще только должна была быть проложена и утверждена граница между Китаем и Россией: из Восточного Памира в Кашгарию, т.е. на территорию Китая, где соперничество России и Британии было особенно ярко выражено в том числе на дипломатическом поприще – между Петровским и Макартни, – и затем по Южному Памиру. Определенно, выявление *status quo* в этом проблемном регионе, прежде всего возможность оказания давления на позицию России при

²⁶ См.: *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. С. 296–301.

²⁷ *Warikoo K.* “Great Game” on the Kashmir Frontiers // *Himalayan Frontiers of India. Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives* / ed. K. Warikoo. London; New York, 2009. P. 30–31.

²⁸ National Archives of India. PR_000004010416.

решении пограничного вопроса в восточной части Памира, выяснение позиции как местного населения, так и официальных властей, было основной задачей Коббольда.

Так, он пишет, что бухарские и афганские официальные лица не общаются между собой²⁹ (л. 4). Упоминание об этом, определенно, не могло появиться в отчете Коббольда случайно. С одной стороны, легальных резидентов Британия в Бухаре не имела, и уже по этой причине приходилось прибегать к услугам таких «путешественников». Кстати, Коббольд был арестован в Кала-и-Вамаре именно бухарскими властями. С другой стороны, Бухара была заинтересована в решении пограничного вопроса на Памире в 1890-е годы, претендуя на часть левобережья Окса (Амударьи). Исходная позиция англичан заключалась как раз в сохранении status quo между Афганистаном и Бухарой³⁰. Так как вопрос не был окончательно урегулирован к удовлетворению обеих сторон, то Коббольд явно прощупывал почву, определяя вероятность нарушения хрупкого равновесия.

И в книге, и в отчете Р. Коббольд упоминает капитана К.-Э.К. Кевекисса³¹, главу военного и гражданского управления на Памире, однако только в отчете говорится, что Кевекисс швед по происхождению и едва ли сильно предан службе России³², выделяя, таким образом, потенциального союзника или информатора. Далее описываются его штаб-квартира с количеством солдат и офицеров, находившихся в его распоряжении в Мургабе, в Хароге, в Лангар Киште и Акташе, и укрепления самих фортов. В частности, отмечается готовность Харога к длительной осаде с использованием артиллерии, указывается, что афганские гарнизоны незадолго до прибытия Коббольда были серьезно усилены, а русские – удвоены. Далее (л. 5) Коббольд называет сумму, в которую, по его подсчетам, российскому правительству обходится содержание Памира – 50 тыс. руб. ежегодно, сообщает о продовольственном резерве – зерна и муки в 100 тыс. фунтов, приводит данные о численности населения, пишет об отсутствии русских войск в Дарвазе, о расположении наиболее крупных воинских частей возле Герата (л. 6).

Он же, со слов русских солдат, утверждает, что армия Российской империи только и ждет смерти эмира Афганистана (речь идет о Абд-ур-Рахмане (1844–1901); эмир с 1880 г.) и что, как только он умрет, русская армия перейдет афганскую границу под предлогом обеспечения порядка на афганской границе России. Такого рода сообщения в разведывательном донесении понуждали британское правительство действовать на упреждение. Целый лист в его донесении (л. 5) посвящен описанию дорог, по которым русская армия могла бы продвинуться в Афганистан и занять, по мнению военных, с кем довелось общаться Коббольду, страну, находившуюся под британским сюзеренитетом.

Коббольд также говорит о наиболее действенном инструменте противостояния России на Памире: местные жители могут отозваться на призыв увести гужевого скот в горы и лишиться таким образом русскую армию возможности решать вопросы логистики. К таким выводам Коббольд пришел, основываясь на недовольстве местных жителей не только высоким налогообложением, но прежде всего местной администрацией, неспособной поддерживать «справедливость». Низкий уровень зарплат породил взяточничество, совершенно утвердившееся в отношениях с местным населением (л. 7). Коббольд считает, что главными инструментами британского влияния на Памире должны стать максимально частые путешествия по региону и поддержка наиболее дружеских отношений с Турцией, на что постоянно обращали внимание его собеседники³³. Именно дружелюбие английских путешественников, не склонных к поборам, должно произвести на местное население благоприятное впечатление и с легкостью склонить его на свою сторону.

²⁹ “The Bokharan and Afghan officials hold no communications”.

³⁰ Постников А.В. Схватка на крыше мира. С. 301.

³¹ См. красочный портрет в парадном мундире: Middleton R. Russians in the Great Game. Bishkek, 2019. P. 50.

³² “He is a Swede by birth and I imagine not particularly attached to Russian service”.

³³ “It would seem therefore advisable that we should frame our policy so as to maintain as friendly relations as possible with the Porte. Time alone can show the benefits that we may derive from such a policy”.

Далее Коббольд переходит к оценке положения Макартни в Кашгаре, сравнивая его с сильной позицией русского Генерального консула Петровского. Здесь изложение донесения и текст книги если и расходятся, то лишь в выборе синонимичных выражений (*status – position* и т.д.), однако в книгу не вошло, что сам Петровский, смеясь, отмечал этот контраст³⁴ и что китайцы в Кашгаре находятся в подконтрольном положении по отношению к Российской империи³⁵. При этом, как подчеркивает Коббольд, китайцы расположены к Макартни и готовы приветствовать любое улучшение его статуса, что позволило бы им эффективнее бороться с российскими интригами³⁶.

В донесении (л. 8) Коббольд пересказывает дискуссии с памирскими киргизами и представителями других народностей о причинах, по которым россияне пользовались такой свободой действий в Кашгаре и Яркенде. По его мнению, дело заключалось в том числе в слабости политических позиций британского политического агента Макартни, не имевшего статуса консула и соответствующих полномочий, а также недружественных отношений британского правительства к своим подданным, что становилось известно местным жителям. Даже отсутствие официального мундира, по мнению Коббольда, унижало достоинство Макартни в глазах местной политической общественности.

Завершается донесение описанием встречи с «бородатым мусульманином» в Мисгахе – первой деревне на британской земле, – который был послан майором Дином из Читрала в Коканд для сбора информации о передвижении русских войск. Информатор возвращался обратно в Пешавар, имея задачу собрать соответствующую информацию и об афганских частях. Коббольд отговорил его идти затем в Кашгар, а направил по дороге вдоль Амударьи через Вахан, Шинган, Рошан и Дарваз, что дало бы ему возможность избежать ненужных расспросов. В данном случае Коббольд проявил присущую разведчику рассудительность: появление еще одного нового лица на пути в Кашгар, т.е. на пути, которым незадолго до того Коббольд прошел сам, могло вызвать подозрения, что на этом направлении готовится всплеск активности, возможно, военной.

В последних строках донесения Коббольд отмечает недавнее назначение генерала Куропаткина³⁷ военным министром (это же говорится и в книге), и что, по мнению российских официальных лиц, теперь следует ждать нарастания активности на русско-афганской границе.

Следующее архивное дело³⁸, некогда носившее статус секретного, позволяет реконструировать судьбу донесения Коббольда 1898 г. Согласно записи от 3 января 1899 г., отчет мог быть послан политическому представителю в Кашгаре (т.е. Макартни) и в Разведывательное управление (*Intelligence branch*) – четыре и три копии соответственно. Коббольд лично отправил копии отчета в Форин офис. 17 января 1899 г. Разведывательное управление запросило еще две копии. 27 января 1899 г. датируется запрос от политического представителя в Кашгаре о еще двух копиях донесения. Завершается документ подробным графиком перемещений Коббольда, составленным в виде таблицы.

Донесение Коббольда о его путешествиях в южной части Центральной Азии стало важным источником сведений для анализа и принятия возможных решений о дальнейших действиях. В соответствии с рекомендациями Коббольда статус Макартни был повышен с политического агента до консула, количество британских «путешественников» и «охотников» в Восточном Туркестане и прилегающих областях не уменьшалось, однако британо-турецкие отношения начала XX в. никак нельзя назвать безоблачными: формирование Тройственной российско-французско-британской Антанты в 1907 г. отдаляло развитие партнерских отношений между Британской и Османской империями. При этом стремительно

³⁴ “M. Petrovsky told me as much himself, laughing at the contrast between his position and Macartney’s”.

³⁵ “The Chinese in Kashgar are entirely under Russian influence”.

³⁶ “It should be noted that the Chinese themselves are well disposed to Mr. Macartney, and would eagerly welcome any improvement in his status which would help them to combat more effectually Russian intrigue”.

³⁷ Куропаткин, Алексей Николаевич (1848–1925) – управляющий военным министерством (1 января 1898 г.), военный министр (1 июля 1898 г.).

³⁸ National Archives of India. PR_000001132995.

портились и российско-османские отношения, но выгоды из этого Британская империя для себя извлечь не сумела. В состоянии «войны всех против всех», шаткости военно-политических союзов сбор разведывательной информации, укрепление влияния «на местах», поиск союзников в лагерях потенциальных противников оставались для великих держав важными инструментами реализации собственных геополитических интересов.

Показательно, что обе противоборствующие империи – Российская и Британская – при всей остроте противоречий сумели удержать ситуацию в русле дипломатического противоборства. С одной стороны, важную роль в этом сыграла жесткая позиция Генерального консула России в Кашгаре Петровского. С другой – готовность российских властей на Памире идти на уступки в решении пограничного вопроса явилась важным основанием того, что «Большая игра» в конце XIX – начале XX в. завершилась бескровно. Англо-русская конвенция 18 (31) августа 1907 г. формально положила конец межимперскому противостоянию в Центральной Азии.

Библиография

Бухарин М.Д. Глобальная неопределенность как фактор развития международных процессов (рец. на книгу: Ар.А. Улунын. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020) // Международные процессы. 2020. № 4. С. 158–161.

Бухарин М.Д., Тункина И.В. Переписка Н.Ф. Петровского, В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. I. Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 83–209.

Бухерт В.Г. ...И его русский портрет // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. С. 20–67.

«И с казачьего пикета был уж виден Гималай». Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного / авт.-сост. М.К. Басханов, С.Л. Шевельчинская. СПб., 2019.

Ищенко Н.С. «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х годов // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 72–81. DOI: 10.31857/S013038640018389-5

Куценко Б.О. Русско-английский конфликт на Памире: несостоявшаяся война 1902 года // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 67–77.

Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами / изд. подг. М.К. Басханов, М.Д. Бухарин, И.В. Тункина // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 гг. и 1914–1915 гг. академик С.Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М., 2020.

Мясников В.С. Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. С. 4–20.

Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой Игре» Британии и России (1869–1896 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2000. № 17. С. 33–99.

Постников А.В. Схватка на крыше мира. Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.: монография в документах. М., 2001.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. академика В.С. Мясникова. М., 2004.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

Татеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы / вступл., коммент. М.Д. Бухарина. М., 2017.

Хонкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром М., 2004.

Cobbold R.P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900.

Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889.

Johnson R. Spying for the Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.

Middleton R. Russians in the Great Game. Bishkek, 2019 (University of Central Asia. Research Paper. 2).

Morgan G. Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. London, 1971.

Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.

Warikoo K. “Great Game” on the Kashmir Frontiers // Himalayan Frontiers of India. Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives / ed. K. Warikoo. London; New York, 2009. P. 14–36.

References

- “I s kazach’ego piketa byl uzh viden Gimalaj”. Pamir v fotoobjektive poruchika Pavla Rodstvennogo [“And the Himalayan was already visible from the Cossack picket”. Pamir in the photographic lens of Lieutenant Pavel Kindred] / avt.-sost. M.K. Baskhanov, S.L. Shevel’chinskaya. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Bukharin M.D.* Global’naya neopredelennost’ kak faktor razvitiya mezhdunarodnykh processov (rez.: Ar.A. Ulunyan. Turkestanskij placdarm. 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel’noe soobshchestvo i britanskoe pravitel’stvo. Izd. 2-e. Moskva [Global uncertainty as a factor in the development of international processes (review.: Ar.A. Ulunyan. Turkestan bridgehead. 1917–1922. British intelligence community and British government. Ed. 2nd. Moscow, 2020) // Mezhdunarodnye processy [International processes]. 2020. № 4. S. 158–161. (In Russ.)
- Bukharin M.D., Tunkina I.V.* Perepiska N.F. Petrovskogo, V.R. Rozena i S.F. Ol’denburga [Correspondence of N.F. Petrovsky, V.R. Rosen and S.F. Oldenburg] // Vostochnyj Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v konce XIX – pervoj treti XX veka. T. 1. Epistolyarnye dokumenty iz arkhivov Rossijskoj akademii nauk i Turfanskogo sobraniya [East Turkestan and Mongolia. The history of study at the end of the 19th – the first third of the 20th centuries. Vol. 1. Epistolary documents from the archives of the Russian Academy of Sciences and the Turpan collection]. Moskva, 2018. S. 83–209. (In Russ.)
- Bukhert V.G.* ...I ego russkij portret [...And his Russian portrait] // Petrovski N.F. Turkestanskije pis’ma [Turkestan letters] / otv. red. V.S. Myasnikov, sost. V.G. Bukhert. Moskva, 2010. S. 20–67. (In Russ.)
- Hopkirk P.* Bol’shaya igra protiv Rossii. Aziatskij sindrom [Great game against Russia. Asian syndrome]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Ishenko N.S.* “Afganskij vopros” v rossijskoj konservativnoj publicistike v seredine 1880-h godov [“The Afghan Question” in Russian conservative journalism in the mid-1880s] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 72–81. DOI: 10.31857/S013038640018389-5 (In Russ.)
- Kutsenko B.O.* Russko-anglijskij konflikt na Pamire: nesostoyavshayasya vojna 1902 goda [Russian-English conflict in the Pamirs: the failed war of 1902] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina [Bulletin of S.A. Yesenin Ryazan State University]. 2020. № 2 (67). S. 67–77. (In Russ.)
- Marshrutnoe opisanie puti ot Urumchi cherez Guchen i Barkul’ v Hami [Route description of the way from Urumqi via Guchen and Barkul to Hami] / izd. podg. M.K. Baskhanov, M.D. Bukharin, I.V. Tunkina // Vostochnyj Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v konce XIX – pervoj treti XX veka. T. IV. Materialy Russkikh Turkestanskikh ekspeditsij 1909–1910 i 1914–1915 gg. akademik S.F. Ol’denburga [East Turkestan and Mongolia. The history of study at the end of the 19th – the first third of the 20th centuries. Vol. IV. Materials of the Russian Turkestan expeditions 1909–1910 and 1914–1915 academician S.F. Oldenburg] / pod obshch. red. M.D. Bukharina, V.S. Myasnikova, I.V. Tunkinoj. Moskva, 2020. S. 440–449. (In Russ.)
- Myasnikov V.S.* Obraz N.F. Petrovskogo v anglijskom zerkale [The image of N.F. Petrovsky in the English mirror] // Petrovski N.F. Turkestanskije pis’ma [Turkestan letters] / otv. red. V.S. Myasnikov, sost. V.G. Bukhert. Moskva, 2010. S. 4–20. (In Russ.)
- Postnikov A.V.* “Istoricheskie prava” sosednih gosudarstv i geografiya Pamira kak argumenty v “Bol’shoj Igre” Britanii i Rossii (1869–1896 gg.) [“Historical rights” of neighboring states and the geography of the Pamirs as arguments in the “Great Game” of Britain and Russia (1869–1896)] // Acta Slavica Iaponica. 2000. № 17. S. 33–99. (In Russ.)
- Postnikov A.V.* Skhvatka na kryshe mira. Politiki, razvedchiki i geografy v bor’be za Pamir v XIX v. (Monografiya v dokumentakh) [Skirmish on the roof of the world. Politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century (Monograph in documents)]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Russko-kitajskie dogovorno-pravovye akty [Russian-Chinese legal acts]. 1689–1916 / pod obsh. red. akademika V.S. Myasnikova. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Sergeev E.Yu.* Bol’shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central’noj i Vostochnoj Azii [Great game, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Tageev B.L.* (Rustam-bek). Pamiirskie pokhody [Pamir campaigns] / vstapl., komment. M.D. Buharina. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Cobbold R.P.* Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900.
- Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889.
- Johnson R.* Spying for the Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.
- Middleton R.* Russians in the Great Game. Bishkek, 2019 (University of Central Asia. Research Paper. 2).
- Morgan G.* Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. London, 1971.
- Skrine C.* Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.
- Warikoo K.* “Great Game” on the Kashmir Frontiers // Himalayan Frontiers of India. Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives / ed. K. Warikoo. London; New York, 2009. P. 14–36.